

Некоторые из стихов, написанных и посвященных семье, близким, друзьям и однополчанам

Супруге:

У нашей мамы – день рождения

*У нашей мамы день рожденья, ей уж двадцать восемь лет,
Прими, родная, поздравленье, от всех своих троих детей!
Тебе родная, дорогая, мы пожелаем долго жить,
И будем дальше, наша мама, от всей души тебя любить.*

февраль 1942, с фронта

Жене – из-за рубежа

*Мне трех ты деток подарила, не знаю, чем я отплачу?
Спасибо, милая подруга! Но я... четвертого хочу.*

Румыния, февраль 1954

Исповедь перед женой накануне своего 60-ти летия.

*Уж сорок лет с тобою вместе шагаем мы, судьба моя,
И с каждым годом узы крепче, хоть в волосах и седина...
Ты не забыла тихий дом, где нас любовь соединила?
Грядущее в то время в нем семейным счастьем озарила.
Для нас и в трудовом накале, и в обстановке фронтовой,
Тяжелым испытаньем стала Война с фашистскою ордой.
Ты тяжких бед вдвойне узнала: детей от голода спасла,
Победе труд свой отдавала, к тому же донором была.
Волнения за судьбу страны, тревога и тоска о муже,
Сколь горя пережила ты (да разве есть войны что хуже?!)
Пускай проклятая война нам сединой виски покрыла –
Тебе спасибо, что тогда детей и верность сохранила!
Боев раскаты отзвучали, пришел конец большой беде
Всегда быть вместе мы мечтали, вдвоем растить своих детей,
Прости, что думы этих дней, осуществились лишь частично.*

*Сначала во главе частей мне мест пришлось обжить не мало
Устроить их...
Еще трудней учить, как надлежит, досталось,
Потом командовать войсками мне было вверено. И вот...
Уж все сложнее стал с годами тот возраставший круг забот.
Прости, что поднимая бремя нелегких командирских дел,
Семье достаточное время никак найти я не умел.
Служебного исполнен долга, в отлучках длительных бывал,
Прости, что часто и надолго тебя, родная, оставлял.
Тебе одной пришлось опять детей учебой заниматься,
Заданий массу проверять и с воспитаньем их справляться.
А тут к нам старость подкралась, лета на прозу уж не тянут,
Пусть жизнь не очень удалась, но может нас добром помянут?
И счастье нас не миновало: оно и в детях, как всегда,
И во внучатах нас чарует.....
Безмерно счастлив, что тогда – тебя я встретил, не другую!*

Москва, январь 1975

Лизе – в день рождения

*Тревог не мало доставляет мне служба трудная моя,
Но чувство горечи смягчает забота нежная твоя.
Сознать могли б меня печали, ничтожность дел последних лет,
Да счастлив тем, что мы подняли с тобою вместе тяжесть бед.
И составляет наслажденье и удовольствие сказать:
Я поздравляю с днем рожденья, тебя, мой друг, жена и мать!*

Москва, февраль 1976

Жду тебя.

*Я звезды своей счастливой не нашел в небесном мире,
Но увидел вдруг тебя.
Ослепленный мильм взглядом я узнал, что ходит рядом
По земле звезда моя.
С той минуты я поверил в чары сказочной Венеры -
Их заметил у тебя.
И открылась не в преданьях, а в земной своем сиянье
Прелесть и краса твоя.
С той отрадной первой встречи поднялась и стала крепче
О тебе мечта моя.
Поцелуй твой первый нежный, радость встреч, тоска, надежды -
Это в сердце у меня.
Приезжай и будь супругой - жду тебя, моя подруга,
Песнь моя, любовь моя.*

Москва, июль 1977

И только наш с тобой

*Я счастлив тем, что долгий срок живу лишь службой ратной,
Что крутизна моих дорог тебе всегда понятна.
Ты учишь, пестуешь детей: и в праздники, и в будни
А я недели средь полей (бойцами делаю парней) в работе многотрудной.
И жизнь немного для любви дала нам дней чудесных,
Есть дни твои, да дни мои, но мало дней совместных.
Ликует праздник женский наш и полнится весною,
Сегодня пусть он будет наш и только наш с тобою.*

Ханой 08.03.1980

А сердце тоской изболелось (Лизе в день рождения)

*Как только захожу я усталый в пустую обитель - к себе,
Так душу пронзают кинжалы: тревога и скорбь о тебе.
Отчизна вручила мне дело, где мысли и разум в борьбе,
А сердце тоской изболелось и рвется, и рвется к тебе
И если разлука вернется в наш дом - раз угодно судьбе,
Я грудь разорву, чтоб оставить горячее сердце тебе.*

Ханой 19.02.1982

Моей единственной царице (на 75-летие Лизы)

*И в нашу жизнь зима вошла, покрыла головы порошей,
Но так согнуть нас не смогла ее губительная ноша.
Мы помним, друг, любви весну и чувств пленительных волну,
И радость трепетных свиданий, и горечь частых расставаний.
Суровым было наше лето - оно расколото грозой,
В нем мы с тобой и наши дети, как оспой мечены войной.
На фронте в яростном бою, в бреду, израненный врагами,
В дни мира в военном строю – везде - неслышными шагами,
Твоя любовь со мною шла и смерть от сердца отвела.
И в юбилейный день, по чести, я поделюсь мечтой своей,
С тобой, мой друг, с тобою вместе, хочу дойти до смертных дней.
Тебе всех чувств моих, царица - вчера, сегодня – до гробницы,
Я благодарен вновь и вновь. За счастье, верность и любовь!*

Москва 27.02.1989

Лизе

*Покуда сердце будет биться, лишь для тебя мой жар крови,
Моей единственной царице, моей единственной любви.*

Москва, Архангельское, Госпиталь, февраль 1996

Детям:

Дочери Гале – в день рождения

*Семнадцать лет тому назад на свет галчонок появился,
Галчиха нянчилась... и вот: галчонок в Галку превратился.*

Румыния, июль 1954

Сыну Борису

*Мой сын, позволь в рожденья день, поговорить с тобой про лень.
Про лень твою, которая мешает тебе учиться.
Ты же знаешь, что лень – основа праздности, мещанства, отсутствие ума и чванство.
Ленивым быть – не жить – существовать.
Не людям пользу приносить, а от народа брать.
Ни я, ни мать – мы не хотим, чтоб в двадцать лет ты был таким.
Бери пример с родных. Возьми хоть деда – он кончил два университета.
Таков не он один, а все твои родные - все учатся, работают, не ленятся и в полной силе.
Того желаем и тебе дружок.
Ну что еще сказать? Ты разменял десяток.
Меняй и далее, живи, учись, дерзай
Будь человеком!*

Папа

Москва, май 1959

Дочери Люсе – в день 40-летия

*В день яркой даты, в час рожденья, за этим праздничным столом,
Прими от нас, дочь, поздравленье – любовь родительскую в нем.
Признаться можно нам сейчас, да ты, ведь, мать – тебе известно,
Что самой первой и чудесной была ты радостью для нас.
Улыбкой первой, первым словом, и тем, как стала ты шагать,
Тем первым плачем в час суровый. Уменьем маме помогать.
Всем тем, что счастье нам сулило и в грезах лучших утвердило, -
Горды мы были и сочли, что все уж дать тебе смогли.
Но скоро нам пришлось понять, как часто мы детей не знаем,
И слишком рано начинаем им юность хрупкую верить.
И огорченья ты дала и первой их преподнесла.
Хоть говорим об этой боли, но не в укор,
А чтоб прийти смогла с Аленой к лучшей доле,
Хотим, чтоб славную делами ты с мужем вырастила дочь,
Что за упущенное вами, в ее характере, с годами,
Не стало тягостно невмочь.
Нам грустью тяжелой отозвалось твоя печаль, тебе ж трудней,
Но рады, что верна осталась любви нележкой ты своей.
И пусть сопутствуют тебе, Алене, Вове – всей семье,
Любовь, согласие, много лет и внуков чудненьких «букет»,
Так выпьем чашу – дар сердец – За счастье!
Мама и отец.*

Москва, декабрь 1975

Дочери Гале – на 40-летие.

*Жизни весну ты встречала, кажется только вчера,
Но уж сегодня настала страдного лета пора.
Срок, когда многие годы в ногу со счастьем идут,
Или оно вдруг приходит, или его уж не ждут.
Хоть на лице и узором светится хроника лет,
Но не погас в твоём взоре дерзостной юности свет.
Так освети лучезарной прежней улыбкой своей,
Чтобы веселья литавры славили твой юбилей.
Чтобы душевный твой пламень не был порой угнетен
Тем, что со скоростью лани день пробегает за днем.
Пусть эти смеха раскаты, дружеских возгласов строй
Вместе с мечтою крылатой долго шагают с тобой,*

Чаши же, полные чаши крепкого с искрой вина,
За именинницу нашу быстро осушим до дна!
Выпьем за юного сына, чтоб он дорогу нашел
Чтобы он вырос мужчиной смелым, как горный орел.
Коль для любви сердце живо, ты отличишь без труда
То, что елейно, фальшиво, то, что волнует всегда.
Выпьем за полное счастье, счастье любимую быть,
Выпьем за жизнь без ненастья, выпьем за благо любить.
Вновь наполняем бокалы, вновь повторяем: Живи,
В мире волнующих далей. Счастья, надежды, любви!

Москва, июль 1977

На юбилей сына

Я рад, мой сын, тебя поздравить с той вехой зрелости, когда
В делах уж можно след оставить, других поправить иногда.
Ты далеко, и я не властен за юбилейный стол присесть,
Сказать тебе: «Здоровья! Счастья!», хотя и так все это есть.
Но то не суть, когда с годами мои седины обретишь,
И по ушедшим дням ночами не раз ты в памяти пройдеши,
Когда окончишь самый строгий удач и промахов учет,
Желаю, чтобы те итоги тебе не выставили счет.
За этот счет – ошибок помесь, себе устроишь суд-разбор,
И не стареющая совесть тебе объявит приговор.
Но у тебя ведь жизни лето и верю верю отца
Что я дождусь еще расцвета в тебе активного борца – почетной «осени» творца.

Ханой, июль 1979

Люсе в день 60-летия.

В сплоченных семьях уж давно равны все дети и любимы,
Но званье «первенец» одно и чтут его неоспоримо.
Наши плод любви – глубокой, сильной, ты первой появилась тут
И зычным возгласом «Ау!» - из пары сделала семью.
Не старость – зрелость подошла - вершить итоги еще рано,
С тобою внучкины дела, за них взялась ты очень рьяно.
Мы верим внучку ты возрастишь не хуже собственной дочурки,
Благодаря тебе она: характер – глыба, воз ума.
В день юбилея вновь и вновь мы дарим преданность большую,
Объятия и тепло сердец, ну и конечно – поцелуи...

Москва 29.12.1995

Друзьям:

Другу - в день рождения

Мы не молоды, Ник-Ник*, отрицать не можем - говорит об этом лик, наши жены – тоже.
С днем рожденья мы тебя поздравляем дружно; рюмку доброго вина выпить очень нужно.
Вдруг, пасуешь, отчего? Разве в стопке яд? Ты не можешь? Ну так что же – выпей лимонад!
Сие – пустяк, однако ж, дамы усмеваются: «Полковник-то не гоже – коль с рюмкой не справляется»
Мы от души хотим сейчас выпить за тебя; бокалы вверх, кричим: Ура! – и дружно улыбаемся.

... и его жене

Прелестная жена, певунья-острослов, приветствуем тебя мы с юбиларом вновь.
Танкисту Николаю, когда-то повезло, женился он на Анне, поклонникам назло.
Тебе ведь тоже, Анна, не меньше повезло. За это выпить надо кавказское вино.

***Ник-Ник – Николай Николаевич Николаев (полковник запаса)**

Москва, сентябрь 1974

Друзьям-гостям с 1977

*С Новым Годом, Новым Счастьем! С годом семьдесят седьмым!
С годом бодрости, удачи мы поздравить вас хотим.
Чтоб совсем остались в прошлом все болячки, горе, зло,
Чтоб сердца стучали мощно и в трудах вам повезло.
Поднимаем тост за вас в этот радостный нам час!*

Москва, 1976

Адмиралу Б.Е. Ямковому

*Орел из племени морского, прошедший бури и бои,
Достоин ты тепла земного, кают-компания семьи.
Но тянет то, чем жил все годы: раскаты залпов огневых,
Ученья, плавня, походы, да волн кипенье штормовых.
Так в юбилейный день без лести тебе скажу: чтоб в царстве вод,
Еще не мало были вместе - и ты, и твой любимый флот*

Москва, август 1978

Однополчанам:

Мы сберегли народу счастье свободно жить, а не рабом

*Едва успел я вас узреть, дремавший стих воспрянул сразу,
Да как ту дружбу не воспеть, что сходна с крепостью алмаза!
Так пусть души моей волненье в словах высоких прозвучит
О вас, чей образ в свиденьях так в сердце остается жить.
Минуло тридцать в мае этом Победе славной на войне,
И, в юбилейный блеск одетой, нам встреча празднична вдвойне.
Мы помним тяжелых лет ненастье, над прахом павших свой обет,
Лишений – мрак, успехов – свет, Победы выстраданной счастье.
Нам боль оставил навсегда отход мучительный и долгий,
Когда фашистская орда достигла города на Волге.
И вот в боях под Сталинградом наш корпус зрелость показал,
За стойкость воинов и в награду Гвардейским Сталинградский стал.
Искусство воинское наше росло и крепло с каждым днем,
И превзошло, и стало краше оно фашистского во всем.
В миуских кручах, на Молочной, в степях Донбасса, за Днепром,
Врага громили днем и ночью своим умением, мастерством.
С ее, той грязью, кто не помнит сорок четвертого весну?
Припас тогда пришлось дополнить на сотню танков – не одну.
«Пантер» и «Тигров» парк засел, захвачен нами иль сгорел,
Но лишь одним «тридцатьчетверкам» под силу были те проселки.
Не сами танки грязью шли, одолевая топи ловко, -
Танкисты с блеском их вели, блистая выучкой, сноровкой.
В полях Молдавии взлетело к высотам наше мастерство,
В «котле» зажат был враг умело и сгибли тысячи его.
Прошли отважные бригады по придунайским странам путь,
Чрез реки, горные преграды болгары нас поныне чтут.
Наши штурм запомнили белградцы, могилы павших берегут,
Не зря словаки нас по-братски друзьями верными зовут.
Сколь пройдено дорог до Гроца! На них остался крови след,
Покрыли гвардии знамена мы вечной славою побед.
Но вместе с подвигом – искусство вложили в дело той борьбы
Умельцы замыслов искусных – комкор, комбриги и штабы.
Назвать героев всех хотел, ведь, право, вы – герои века,
Да стих имеет свой предел простите слабость человека.
Нет, не забыли мы с годами друзей, не кончивших поход,
Что шли к Победе вместе с нами, но не вкусили ее плод
Гордимся тем, что мы причастны к Победе трудной над врагом,
Что сберегли народу счастье свободно жить, а не рабом.
Дано народом, и мы носим большое званье «ветеран»
И молодых гвардейцев просим от имени однополчан:
Крепите войско. Если случай на нас погонит вражьей тучи,*

*А Родина обяжет вас,
Удар обрушите могучий, уверены, не хуже нас.
Как рады, милые подруги, мы с вами встречу разделить
Словами любящих супругов о вас с восторгом говорить
Вы много бед в войну узнали, сирот от гибели спасли,
Победе труд свой отдавали и донорами быть смогли.
Хотя жестокая война всем сединой виски покрыла,
Но вы сильнее, чем она детей и верность сохранили.
Мы вам, подруги боевые, в делах и битве удалые,
Сегодня дарим вновь и вновь сердец биенье и любовь!
Тут вам судить, каков поэт, и пусть стихи мои плохие,
Но в них душа моя поет от встречи с вами, дорогие.*

*из выступления на встрече ветеранов 4-го гвардейского механизированного Сталинградского корпуса
Москва, май 1975*

Мое Тарутинское утро

*Мы помним утро грозное, фашистской нечисти приход,
Ее злодейства, эшафот...
И много делаем, чтоб злое не испытал опять народ.
Но знаю я другое утро – из тех, что в памяти моей
Так ярко светится, как будто минуло лишь десяток дней.
В то утро корпус Сталинградский искусно силы развернул
И смелым натиском солдатским вновь под Турутино блеснул.
Маневром доблестных танкистов он вражьи части окружил
И в тот же миг атакой быстрой их обескровил и пленил.
Ликуя, жители селенья сбежались к нам со всех сторон:
С любовью, радостным волнением нас обнимали
И с почтением советский гладили погон.
Средь сотен возгласов счастливых, как песня, лившихся вокруг,
И детской речи торопливой мне говор женщин лег на слух:
«Свободы мы не ждали скорой, но вы пришли, родные, впору:
Побить и сжечь нас враг мог, да, видно, сам послал вас бог!»
Немного слов, но слезы счастья обильно падали из глаз.
Была та радость их прекрасна, в очах сияла и не гасла
Играла в каплях, как алмаз!
Шагал сюда я через грозы, отмечен в штурме городов,
Но были слезы те дороже мне грудь венчавших орденов.
И до финала поминутно в боях нелегких снова был,
Но то тарутинское утро с собой пронес и не забыл.*

Тарутино, лето 1976

Кобра

*Пусть мала на карте Кобра и не всяк ее найдет,
Но она большой и доброй с детства в памяти живет.
Полюбив с годами силу и красу великих рек
Не забыл я Кобры милой и разлив и тихий бег.
Дорог мне необозримый изумруд ее лесов,
Дорог вид неповторимый расцветающих лугов.
Как причудливо оделись берега, как манит взгляд
Из черемух, ив да елей кружевной ее наряд
Помню я рыбачьи зорьки журавлиный клик-зазыв
И под шум ватаги бойкой свой отчаянный заплыв,
А река, что мать, надежно подхватила, понесла
Обняла волною нежной и...на берег подняла.
Счастлив тем, что я родился в дивном кобринском краю –
Там, где север потеснился, но не отдал власть свою.
В том краю, где над полями с почвой бедной и скупой
Нивы плещутся волнами, если вложен труд большой
Потому и в тяжком деле тут со взрослым был дитя,
Я в красу труда поверил,
Им свою пригодность мерил уж подростком – не шутя.
Здесь впервые я услышал «Ленин», «Партия», «Совет»,
Видел, как на ладан дышат НЭПман алчный, мироед.*

Знал, как мусор суеверный, нравы темной старины
Вымывало из деревни половодье новизны.
И отрядным чувством долга, с юных лет знакомым мне,
Век обязан я колхозной обновляющей весне.
Верный долгу, в час набатный я покинул край родной,
С той поры на службе ратной берегу страны покой.
Где бы ни был, Кобру зримо вспоминаю вновь и вновь,
И влечет неудержимо к ней сыновняя любовь.
Полный радостных волнений, я спешу к ней каждый год
К миру памятных видений, к людям смелых устремлений,
К синеве хрустальных вод.
И с восторгом наблюдаю, как в лесу и на полях,
Кобры смена молодая отличается в делах.
Пусть непросто нашу Кобру в дебрях карты отыскать,
Но ее большой и доброй есть за что мне называть!

Москва, июль-сентябрь 1977

Болгарскому брату

Ты верил в тяжкую годину мне, как себе, болгарский брат,
И посылал фашисту в спину свинцовый гибельный заряд
Когда дорогою сражений к тебе на помощь я пришел
В одном строю, в едином рвении, к Победе ты со мною шел.
Друзьям я рад, но званьем брата того назвать всегда готов,
Кто, как болгарин, вместе, свято и был, и будет бить врагов.

**Это было надписано на альбоме, подаренному генерал-полковнику БНА Кабакчиеву Августу Христовичу в Софии.
Москва, февраль 1978**

Мы опять с тобою друг

Снова мы с тобою, друг, у Кремля, где в тесный круг
Боевых собрал друзей наш победный юбилей.
Сердце нас позвало в сад, где лежит Герой-Солдат,
И, его покой храня, замер воин у огня.
Вот к нему идут, идут, в Неизвестном люди чтут
Всех, презревших смерть бойцов – вражеской гибели творцов.
Здесь не только скорбь, печаль и истории скрижали, -
Здесь победы торжество! Здесь бессмертие того,
Кто в боях нам другом был и в победу жизнь вложил.
Он безвестен... молодым, нам знаком и мы скорбим,
И о нем, и о других, и не прячем слез мужских.
Сколько их, друзей легло, чтоб и вновь оно возило –
Солнце мира над землей, облик их всегда живой!
В сердце раненом храним, торжествуя, к ним спешим.
Нам с тобою повезло: смерть от сердца отнесло,
Но следы ее когтей с каждым годом все больней
Часто враг дырявил нас, но, поправившись, тотчас
Я найти тебя спешил и в сражение находил:
Как же рад бывал всегда, встретив выжившим тебя!
Лишь мы обняли подруг, как опять досталось друг,
Нам на ратный труд налечь, мир от недругов беречь.
Вновь тобою восхищен: трудным делом не смущен,
Ты трудился много лет и оставил добрый след.
С возрастом порой грустят, быстро годы, мол, летят,
Ты же полон счастья жизни, без ворчливости капризной:
Оттого-то и хранит облик твой отрядный вид.
Право, грусти то достойно, от того лишь не спокойно,
Что зажечь в сердцах ты мог, да погас и не зажег.
Горе словно петля душист, коль вложил ты детям душу,
Отдал им любовь, совет, а случился... пустоцвет.
Ох! Как часто и невольно память душу ранит больно,
Если спрятал ты любовь, от которой вновь и вновь
Закипает в жилах кровь.
У тебя же, друг мой добрый, нет причин для сильной скорби:

*Людам все, что мог, ты дал, в такт с любовью прошагал.
Да, не раз с тобою, друг, поспешим мы в этот круг,
Чтобы павшим дань отдать и друзей в объятия взять!*

Москва, май 1978

Деду в день юбилея (от Валентина Андреевича Иванова)

*Седьмой десяток службе не помеха,
Тому пример – сегодняшняя веха,
Наши первый зам в строю уж 40 лет,
А старости все нет и нет
Он может от рассвета до заката
По точкам горным ПВО скакать,
Но долг инспектора справляя свято,
В музеях и театрах побывать.
И спорту время он находит,
Душою молод он всегда,
И лучший принцип в жизнь проводит:
Быть верным партии всегда!
Что - шестьдесят? – святая дата!
Она, скажу вам без прикрас,
Для акробата – многовато,
А для Геннадия - как раз!*

Москва, 1975